

II. Астарта-Афродита и мужеское начало. Обреченность мужественного гибели, и бессмертие женственного.

Космическая Жена, как Судьба и Губительница.

III. Связь древнейшего ужаса перед женственностью — с матриархатом.

IV. Реакция мужеского начала против женской деспотии. Патриархат. Друиды. Орфей. Аполлонова религия. Женское начало как причина космической вины. Морализация религиозных понятий. *Terror fati* и *Timor Dei*.²³

V. Мужественное богоборчество в союзе с древнейшею идеей бессмертной женственности. Судьба, как изначальная Правда. Человеческий энергетизм как результат сочетания богоборческой с идеею нравственного миропорядка.

VI. Христианская гармонизация мужественных энергий, и христианское откровение женственности.

VII. Мировая Душа и христианский энергетизм. Причинность и типология. Антропологический принцип в современном религиозном сознании и судьба его правого утверждения в будущем.

4 марта 1909 (года)

Вячеслав Иванов.

²³ *Ужас перед роком* и *страх перед богом* (лат.).

© МАЙКЛ ВАХТЕЛЬ (США)

ДОПОЛНЕНИЯ К «ЛИРЕ НОВАЛИСА» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

К лету 1909 года относится вчувствование Вяч. Иванова в поэтический мир Новалиса — в течение двух месяцев он переводил стихотворения немецкого романтика одно за другим. Судя по его дневнику, работа велась только из душевной потребности, а не по заказу какого-то издателя.¹ Такой внезапный интерес объясняется биографическими обстоятельствами. Трагически переживая кончину Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Вяч. Иванов был поражен сходством своей судьбы с судьбой немецкого поэта-предшественника, страдавшего много лет от преждевременной смерти возлюбленной. Русский поэт читал все его произведения через призму своего личного горя, меняя язык и образы оригинала, чтобы приблизить их к собственному стилю и мировоззрению.²

Первая публикация переводов из Новалиса (пять стихотворений) состоялась на страницах журнала «Аполлон» в 1910 году.³ В кратком предиде-

¹ Ход работы можно проследить по дневниковым записям 1909 года, где имя Новалиса повторяется 13 раз: *Иванов Вяч. Собр. соч.* Брюссель, 1974. Т. II. С. 773—805. 25 июня (первая запись этого года) Вяч. Иванов писал: «В постели ночью прикасаюсь там и здесь к стихам Новалиса, которые хотел бы перевести». Возможность обнаружения стихов упоминается гораздо позже. 9 августа поэт отметил: «Вспыхнуло желание скорейшего появления моей „Лире Новалиса“». Ср. также статью Н. А. Богомолова «Из предыстории „Лир Новалиса“ Вяч. Иванова», в которой анализируются истоки интереса поэта к Новалису (*Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм.* М., 1999. С. 202—203).

² Подробнее об этом см.: *Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov.* Madison, 1994.

³ Всего при жизни Вяч. Иванова его переводы из Новалиса появлялись в печати трижды. Переложения из Новалиса: «Сказка прядет» («Зову из темных келий...»); «Почует луч загадочного знака...»; «Песнь пилигрима» («Вас любви пролили грозы...»); «Медлю я покинуть

словии Вяч. Иванов утверждал: «Настоящая публикация лишь предваряет появление „Лиры Новалиса” в нашем переложении».⁴ Несмотря на такое предупреждение, русскому читателю пришлось долго ждать «Лиру Новалиса». Когда Вяч. Иванов уезжал из СССР, он взял с собой рукопись все еще не опубликованной книги, которой суждено было увидеть свет лишь в 1987 году в четвертом томе брюссельского издания сочинений поэта.⁵

Может создаться ложное впечатление, что все эти годы переводы пролежали готовыми к печати. Дело же обстояло гораздо сложнее. «Лира Новалиса» не была завершена поэтом. Д. В. Иванов, редактируя и готовя текст к публикации, должен был привести в порядок груды разрозненных бумаг, состоящих из белых и черновых вариантов, а порою — из фрагментов. Некоторые переводы были лишены самых основных указаний, например к какому первоисточнику они относятся. Необходимо отметить, что сын поэта был не только прекрасным текстологом и редактором, но и образцовым филологом. Его публикация снабжена обстоятельными комментариями и включает в себе не только тщательно сверенные тексты, но и главные варианты.

Когда в начале 1990-х годов мы вместе с Димитрием Вячеславовичем Ивановым специально занимались этими рукописями, нам удалось найти кое-какие дополнительные материалы. Мы приняли решение, что включим находки во второе издание «Лиры Новалиса» (уже двуязычное), которое пока остается делом будущего. Настоящая, во многом предварительная публикация ставит перед собой куда более скромную цель — ознакомить с неизвестными стихотворными переложениями Вяч. Иванова из Новалиса, в силу чего не будет предпринято ни подробного разбора переводов, ни обсуждения их в широком контексте творчества поэта; комментарий ограничен самыми необходимыми наблюдениями.

Следует напомнить, что Вяч. Иванов переложил почти всю лирику Новалиса. Главные циклы («Гимны к ночи», «Духовные стихи») переведены целиком, а стихи из романа «Генрих фон Офтердинген» — почти полностью.

21 августа 1909 года Вяч. Иванов писал в дневнике: «Перевожу последние стихотворения» из „Смешанных”. Испытал слабо род экстаза»,⁶ как будто он уже перевел все остальные стихи из этого раздела. В действительности это не так.

В римском архиве поэта (РАИ) сохранился список всех стихов из романа «Генрих фон Офтердинген», с указанием соответствующих страниц немецкого оригинала — это автограф Вяч. Иванова. По всей видимости, он составил его для того, чтобы проще и быстрее находить нужное стихотворение, а не перелистывать книгу каждый раз. Для нас этот документ имеет огромную ценность, так как он дает недвусмысленную информацию о том, по какому именно изданию поэт читал и переводил Новалиса. Оказывается,

долы...»; «Умирающий гений» («Привет, желанный! Голос твой слышу. Звать...») // Аполлон. 1910. № 7. Апр. С. 46—50 (3-я пар.). Это перевод следующих стихотворений Новалиса: «Erwacht in euren Zellen...», «Es ist dem Stein ein räthselhaftes Zeichen...», «Liebeszähren, Liebesflammen...», «Gern verweil' ich noch im Thale...», «Der sterbende Genius («Willkommen, Lieber! Nun und nicht wieder ruft...»). Три стихотворения, а именно: «Сказка прядет»; «Почит луч загадочного знака...» и «Умирающий гений» были републикованы в кн.: *Немецкие поэты в русских переводах* / Сост. А. Лютер и А. Элиасберг. Leipzig, 1921. С. 51—53. Еще одно стихотворение Новалиса, в переводе озаглавленное «Яков Беме» (название оригинала: «An Tieck»), было помещено в заключение предисловия к кн.: *Беме Я. Аугога, или Утренняя заря в восхождении* / Пер. с нем. А. Петровского. М.: Изд-во «Мусагет», 1914. С. XIII—XV.

⁴ Аполлон. 1910. № 7. Апр. С. 46.

⁵ *Иванов Вяч. Собр. соч.* Т. IV. С. 182—251.

⁶ Там же. Т. II. С. 794.

что Вяч. Иванов пользовался трехтомником, подготовленным близким другом немецкого поэта Людвигом Тиком.⁷ С точки зрения сегодняшней науки редакторский подход Тика — произвольный, порою даже комичный, но долгое время это издание считалось вполне авторитетным. Здесь не место перечислять его многочисленные недостатки, что мною уже было однажды сделано.⁸ Куда важнее то, что только опираясь на текст, подготовленный Тиком, — а не на безусловно лучшие издания XX века — можно понять решения переводчика.⁹

В издании Тика лирические стихотворения (то есть те, что не принадлежат к циклам «Гимны к ночи» и «Духовные стихи» и не включены в роман) печатаются в разных томах. Во втором томе есть раздел «Смешанные стихи» («*Vermischte Gedichte*»), состоящий из шести стихотворений. Из них Вяч. Иванов перевел первые пять. Так что, когда он написал в дневнике, что переводит «последние стихи из „Смешанных“», то имел в виду эту маленькую группу стихотворений. Отметим, что в третьем томе есть еще один раздел «Стихи» («*Gedichte*»), в котором находится более двадцати стихотворений. По неизвестным причинам они мало представлены в «Лире Новалиса». Возможно, Вяч. Иванов считал их несущественными и подверг строгому отбору. Нельзя также исключить, что переводов оттуда было сделано намного больше и что они просто не сохранились.

В поддержку последней гипотезы говорит тот факт, что мы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым нашли два стихотворения из этого раздела. Правда, в обоих случаях речь идет лишь о трудно читаемых черновиках. И если нам удалось установить окончательный вариант первого, то второй перевод пришлось признать недоконченным.

Третий из публикуемых переводов — самый загадочный. Это — начало длинного стихотворения «*Astralis*» из романа «Генрих фон Офтердинген». В этом исключительном случае мы имеем дело с машинописью. Кем и при каких обстоятельствах она готовилась, Дмитрий Вячеславович не смог вспомнить, но он не сомневался, что текст достоверный. (Существует и рукопись того же отрывка, но она явно лишь предварительный вариант машинописи.) Трудно поверить, что Вяч. Иванов бросил перевод такого значительного стихотворения после первых строк. Вполне возможно, что он перевел весь текст, но большая часть перевода утрачена и не исключено, что еще будет обнаружена.

Пожалуй, самый интересный из найденных текстов и наиболее нуждающийся в комментариях — «*An M. und S.*». В обширной литературе о Новалисе нет упоминаний об этом шестистрочном стихотворении.¹⁰ Позднейшие

⁷ На самом деле Тикку помогли соредакторы, но ради простоты это издание обычно называют «изданием Тика», что делаем и мы. *Novalis. Schriften*. 5. Aufl. Berlin: G. Reimer, 1837—1846. Bd 1—3 (тома 1—2 были изданы Людвигом Тиком и Фридрихом Шлегелем в 1837 году; том 3 — Л. Тиком и Эдуардом Бюловом в 1846-м).

⁸ *Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition*. P. 113—115.

⁹ Отмечу мимоходом, что упреки Е. Г. Эткинды к Вяч. Иванову как переводчику Новалиса основаны на недоразумении, ибо Эткинд не понял, как резко современные издания Новалиса отличаются от изданий XIX века. См.: *Эткинд Е. Поэзия Новалиса: Мифологический перевод Вячеслава Иванова // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Viaceslav Ivanov / A cura di F. Malcovati. Firenze, 1988. Vol. 2. P. 171—185* (статья неоднократно перепечатывалась). Установление точного издания иногда объясняет самые странные «вольности» переводов (см.: *Вachtel M. К проблеме перевода размером подлинника у Вячеслава Иванова // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. T. 41. Fasc. 1—4. P. 50*).

¹⁰ Не совсем понятно, имеем ли мы дело с шестистрочным стихотворением или же с тремя разными дистихами на одну тему. В издании Тика — в отличие от новейших изданий — между каждыми двустигиями ставится черта. О роли Вяч. Иванова в эволюции русского дистиха см.: *Wachtel M. The Development of Russian Verse: Meter and its Meanings. Cambridge, 1998. P. 195—199*.

издания печатают его под другим, более логичным названием «M. und S.» (то есть без предлога «Ап»). А в издании Тика названию стихотворения следует подзаголовок: «Sophie, die Braut des Dichters, und ihre verheiratete Schwester, Frau von M.» («София, невеста поэта, и ее замужняя сестра, госпожа фон М.»¹¹). Таким образом, Тик поясняет биографический контекст стихотворения, прямо указывая на Софи фон Кюн (Sophie von Kühn), возлюбленную поэта. «Софийная» тематика Новалиса была особенно близка сердцу русского поэта, также и в тех случаях, когда она — как и здесь — обнаруживается в мелких произведениях. Особенно любопытно, что стихотворение венчается другой, впоследствии центральной для биографии Вяч. Иванова темой, а именно: отражение матери в облике дочерей.

В издании Тика, по которому Вяч. Иванов переводил, стихотворение «Ап М. und S.» находится в третьем томе на сто десятой странице. На предыдущей, сто девятой, напечатано два дистиха: «Einem gelang es — er hob den Schleyer der Göttin zu Saïs...» и «Welten bauen genügt dem tiefer dringenden Sinn nicht...», которые он также перевел.¹² А на сто седьмой странице приведен оригинал второго из стихотворений, разные варианты перевода которого имеются в Римском архиве Вяч. Иванова — «Das Gedicht» («Стихотворение»). В метрике оригинала преобладает четырехстопный хорей, но местами он перебивается строками дольника. Легкочитаемые строки перевода написаны без исключения четырехстопным хореем, но возможно, что последние строки (почти нечитаемые и незавершенные) отражают ритмику дольника. В издании Тика стихотворение астрофично, но Вяч. Иванов разбирает его на четверостишия в соответствии с ритмикой.

Стихотворением «Astralis» открывается вторая часть романа «Генрих фон Офтердинген». Оно написано пятистопным ямбом с вольной рифмовкой. Начало стихотворения — белый стих, но Вяч. Иванов вводит рифмы, оставляя нерифмованной лишь пятую строку.

* * *

Поэтические переводы Вяч. Иванова из Новалиса публикуются по ксерокопиям с документов, хранящихся в Римском архиве Вяч. Иванова (для первых двух переводов это автографы; для третьего — машинопись). В результате проводящейся дигитализации архива лишь первый из текстов в настоящий момент доступен на сайте Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме (впрочем, как перевод из Новалиса он не идентифицирован), его шифр: РАИ. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 294 об. Ряд вариантов второго текста, не совпадающих с публикуемым и отражающих более раннюю стадию работы над ним, хранятся в РАИ (Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 214—215 об.).¹³

¹¹ Речь идет о Фредерике фон Мандельсло (Friederike von Mandelsloh).

¹² Опубликовано Д. В. Ивановым (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. IV. С. 250).

¹³ Выражаю признательность К. Ю. Лаппо-Данилевскому за ряд существенных указаний, сделанных во время подготовки к печати данной публикации.

Вячеслав Иванов

ПЕРЕВОДЫ ИЗ НОВАЛИСА

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА МАЙКЛА ВАХТЕЛЯ И Д. В. ИВАНОВА)

1

〈К М. и С.〉

Их сочетала счастливо художница, Матьерь-Природа,
Чем ты в одной восхищен, скажешь другой про нее.

Видел обеих, загадку зараз и разгадку ты видел,
Каждая порознь другой вместе загадка и ключ.

Хочешь прекрасную мать лицезреть на заре ее девства?
Почки ль увидеть расцвет? Милых на облик взгляни!

2

〈Стихотворение〉

Рай души в одежде синей
Сокровенный свет струит.
Беглый перст в песке пустыни
Имя милое чертит.

И под сводчатым собором,
В тусклом сумраке лампад,
Дух отдав иным просторам,
Мощи высохшие спят.

Хартий весть из ветхой пыли,
Вдаль уставя взор Сивилл
Прорицает древней были
Оправданье в царстве сил.

Стань в апсиде златотронной
Где над гробом Дух парит:
Чу, из крипты похоронной
Вещий мрамор говорит.

В кубки хмель Любовь струила
(Так в цветах горит роса) —
И завесою таила
От младенцев чудеса.*

* Работа над переводом явно была не окончена; дальнейшие строки трудночитаемы. Многочисленные варианты предполагается учесть в будущем академическом издании сочинений Вяч. Иванова.

3

〈Астралис〉

Раз летним утром я проснулся млад
 И чувствовал биенье жизни в жилах —
 Впервые и по новому был рад, —
 И пламя страсти в юношеских силах;
 Все глубже мной восторг любви владел —
 Все явственней сознание пробуждалось
 Росло желанье, бытия нуждалось
 В объятии неземном за тем пределом,
 В смятении глубоком и всецелом.**

** Продолжение перевода отсутствует.

© К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

О ПРЕПОДАВАНИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА НА КУРСАХ Н. П. РАЕВА

Преподавание на Высших женских историко-литературных и юридических курсах Н. П. Раева — важный и по сей день совершенно не исследованный эпизод биографии Вяч. Иванова, о котором сам поэт лаконично писал в «Автобиографическом письме» к С. А. Венгерову, суммарно характеризуя период своей жизни после смерти 17 октября 1907 года Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Я посвящал в последующие годы много усилий делу петербургского Религиозно-философского общества, а также делу Общества ревнителей художественного слова, основанного покойным Иннокентием Анненским, С. К. Маковским и мною, и в течение двух лет был преемником Анненского, в качестве преподавателя греческой и римской литературы, на Высших женских курсах Раева».¹ К сожалению, никаких упоминаний этого немаловажного педагогического опыта не находим ни в единственном пока биографическом очерке О. Дешарт о поэте,² ни в наиболее авторитетных справочных изданиях.³

Архивные разыскания, проведенные мною, думаю, дают наконец возможность достаточно подробно осветить этот эпизод в жизни Вяч. Иванова, точка отсчета которого названа им самим, а именно: смерть И. Ф. Анненского 30 ноября 1909 года. Однако когда именно началось преподавание, как скоро один поэт сменил другого на кафедре, достоверно неизвестно. Сам Вяч. Иванов в «Автобиографическом письме» указал лишь, что в 1912 году он «закончил в Риме исследования об отдельных проблемах религии Диониса». Из других источников можно заключить, что он покинул Петербург и отправился в Италию 19 мая 1912 года.⁴

¹ *Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С. А. Венгерову // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916 [1917]. Т. 3. Кн. 8. С. 95. О своем преподавании здесь Вяч. Иванов неизменно упоминал и в других, менее пространных автобиографических текстах.*

² *Дешарт О. Введение // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Bruxelles, 1971. Т. I. С. 7—227.*

³ См., например: *Русские писатели: 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 372—377; Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 645—652 (статья Н. В. Котрелева).*

⁴ Так, живший на Башне М. А. Кузмин отметил 18 мая 1912 года в дневнике, что «все хлопот об отъезде», а на следующий день записал: «Все насилу вымелись» (*Кузмин М. А. Дневник. 1908—1915 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.,*